

ФАМИЛИЯ

Отец Захара Семен Пахомов был уважаемым в деревне человеком. Один из лучших работников лесопилки, он держал приличное, по тем временам, хозяйство. Женщины и младший сын Захар занимались домашними делами, пока отец с двумя старшими сыновьями были в лесу. А вечером Пахомов возвращался и по-барски обходил свои владения. Когда наступал этот час, воздух в доме тяжелел, будто наливался жидкой сталью. Отец был вспыльчив. Если ему что-то не нравилось, он бил не задумываясь, с оттяжкой, до ломоты в руках.

«Не смей позорить мою фамилию», – кричал он перед тем, как ударить.

Эта пресловутая фамилия висела над домочадцами грозвым облаком, готовым разразиться молниями в любой момент. «От своей судьбы не уйдешь», – говорила Захару его мать, когда он спрашивал, почему они так живут.

Захар был младшим ребенком и в силу своего возраста еще не мог работать на лесопилке. Ему поручали чистить сараи, птичники, кормить скотину, водить гусей на луг. Одно из таких поручений резко изменило всю его жизнь.

Гуси паслись весь день, Захар гулял в поле и следил, чтобы они не разбегались. Стояла ужасная жара. Открытый луг нагрелся, как огромная зеленая сковородка. От земли шел горячий сухой пар. Измаявшись, Захар спрятался в тень куста и заснул. Проснулся он только под вечер, когда нужно было вести гусей обратно домой. Согнав их в одно стадо, он обнаружил, что не хватает двух пернатых. Земля покачнулась под ногами. Спина задрожала, припомнив удары хлыстом. И за меньшие провинности отец мог выпороть так, что недели две невозможно было даже лежать без боли, а за такое мог и убить.

Захар в ужасе бегал по полю, кликал гусей, но отвечал ему только бессмысленный стрекот кузнечиков. Затем он зашел в находящийся рядом лес. Шарил по кустам, звал

«гусь-гусь-гусь». Он повторял эти действия снова и снова, но результата не было.

«От своей судьбы не уйдешь», – вспомнились слова матери.

Захар почувствовал себя загнанным в ловушку. «Пахомов, Пахомов», – разнеслось сразу со всех сторон. Этой фамилией шелестела листва деревьев, жужжали насекомые, осуждающе цокала птица-камышевка. Фамилия сдавливала его клешнями, не давала дышать. Напряжение внутри росло. Грудная клетка готова была разорваться. Захар побежал прочь. Это ненадолго обмануло сердце, внушило ему, что оно болит из-за бега, а не из-за страха и обиды.

За лесом и холмом сразу начиналась другая деревня, Большая Малышка. Начинало темнеть, но Захар не стал заходить в нее, а свернул в сторону от селения. Он знал, что первым делом его будут искать там. Как только совсем стемнело, стало невозможно разобрать, куда идти дальше. Захар лег в траву и бессильно заплакал. Слезы очищали душу. Он посмотрел на почерневшее небо. Оно тоже смотрело на него тысячью своих светящихся глаз. Захар вдруг почувствовал, что он не один. Кто-то успокаивал его и невидимой рукой гладил по голове. На душе стало спокойно, будто в колыбели. Он закрыл глаза и тут же заснул.

Как только рассвело, он продолжил путь. Оказалось, что место его ночлега находилось около железнодорожных путей. Захар решил двигаться по ним. Это было даже весело – вообразить, в какие края его заведет дорога. По пути ему попадались селения, он не входил в них. Страх подгонял вперед, заставлял забыть об усталости и голоде. Но чем дальше уходил Захар, тем слабее становился страх, и он решил рискнуть. В зарослях у дороги показался мост, ведущий в очередное селение. Захар ступил на этот хлипкий мостик с трясущимся сердцем. Следовать по рельсам было просто, этот же поступок потребовал от него смелости. Вдруг он ушел еще недостаточно далеко, и его найдут здесь. Но идти вечно было тоже невозможно. Поэтому он собрал всю храбрость, которую смог найти в своем маленьком теле, и преодолел мост.

Едва он сделал это, как ему навстречу с громким гиканьем выскочили гуси. «Как же они меня нашли?» – подумал Захар, приняв гусей за своё стадо.

Один из них, шипя, подошел к нему, вытянул шею и больно укусил за лодыжку. Захар вскрикнул и принялся прыгать и махать руками.

– Ах вы бестии! – из ближайшего дома выбежал дедушка с прутом. – Пошли отседа, пошли!

Он загонял их во двор, и те послушно шли, переваливаясь из стороны в сторону своими круглыми, неповоротливыми боками.

– Дедушка, дедушка, вам не нужен работник? – побежал за ним Захар.

– Каки работники? Никто нам не нужен. Иди отседа, мальчик, – отмахнулся старик и закрыл за собой калитку.

Захар направился вглубь деревни. Стучался в двери, спрашивал у прохожих, но никому не были нужны работники. Одна женщина пустила Захара к себе, накормила супом, стала расспрашивать, чей он и откуда. Захар отвечал, что ничей, сирота, работа нужна за еду. Женщина повздыхала, но остаться не предложила. Спроси, говорит, у деда Мирона, его дом на окраине деревни. Он один живет, может, ему помощь бы и не помешала.

Захар пошел туда. На его стук никто не открыл. Он решил подождать и присел на лавочку. Смородина, облокотившись на забор, свешивала к нему свои кисти. Захар набрал из протянутой ему руки черных жемчужинок и начал есть. «Хорошо, что сейчас лето», – подумал он. – «С голоду не умру». Сидеть пришлось долго. Уже солнце начало красить траву в золотой цвет, а хозяин все не приходил. Но ему не было скучно. Захар никогда не скучал. Сейчас он смотрел на проходящих мимо людей, животных, ел ягоды и был полностью доволен жизнью.

– Ты чиго мои ягоды лопаишь? Вот я тебе! – услышался стариковский голос.

Появившийся дед Мирон замахнулся на Захара тростью. Тот по привычке обхватил голову руками и опустил ее к коленям, делая себя как можно меньше.

– Чего это ты... Ладно уж... – промямлил дед Мирон, и Захар услышал, как скрипнула калитка.

Он поднялся и побежал за Мироном.

– Дядь Мирон, пустите меня к себе работником. Я все делать умею. За скотиной ухаживать, за домом смотреть, в огороде работать.

– Из дома, что ли, удрал? – белесые глаза старика выстрелили прямо в душу Захара.

– Нет. Нету у меня дома. И семьи нет. Сирота. С пацанами по вагонам ходил, милостыню собирал, – и откуда только взялись слова, Захар удивился сам себе.

– А чивой не остался с пацанами? – спросил дед, прищуриваясь.

Тут Захар подумал, что и правда, можно было прибиться к вагонным мальчишкам, ездить зайцем куда угодно, там уж до него не дотянется ни отец, ни его фамилия. Только где их было искать? Да и когда представил себе такую жизнь, ему сразу расхотелось. Унизительно просить денег просто так, ни за что. Мать всегда учила его, что деньги нужно заработать.

– Не хочу, чтобы даром, – твердо сказал Захар.

Мирон задумчиво покачал головой и снисходительно, по-стариковски, усмехнулся.

– Ишь ты. Как звать-то?

– Ваня, – выпалил Захар, толком не думая.

– Ладно, Ваня, заходи. На ночь глядя не выгоню. А завтра посмотрим, какой из тебя работничек.

Дома у Мирона было скромно, но Захару и не нужны были хоромы. Дед накормил его хлебом со сметаной и уложил спать на мягкую проваливающуюся кровать, из-за которой Захару всю ночь снилось, что он плывет по реке. Утром они обошли хозяйство. Работы хватало: огромный огород, сад, корова, с десятков кур.

– А гуси есть? – спросил Захар.

– А я и есть главный гусь – Мирон Гусев.

Так они и стали жить вместе. Захар быстро привык и к деду Мирону, и к своему новому имени, и к работе (хотя тут для него ничего нового не было). Ему даже стало ка-

заться, что он провел здесь всю жизнь, а тех ужасных дней, когда ему приходилось терпеть побои, не было. И все же, иногда, откуда ни возьмись, к горлу подступал страх и начинал душить. Вновь хотелось бежать. Захар несколько раз выходил к железной дороге, но его тянуло обратно к дому. Не хотелось покидать место, которое уже совсем приняло его. И Захар надеялся, что беда как-нибудь пройдет мимо.

Но однажды то, чего он боялся, все же случилось. Сквозь сон Захар услышал ненавистную фамилию. Она все-таки нашла его. «Пахомов, Пахомов», – загудели стены и половицы. Захар услышал, как Мирон беседует с кем-то в сенях. Все тело его напряглось, как у зверя, почуявшего опасность, мозг стал чистым и холодным, как сталь. Он начал быстро продумывать все возможные пути к бегству, глаза нащупали в темноте круглые настольные часы. Ими можно было сильно ударить.

– Не знамо никакого Захара, – слышался голос Мирона.

– Говорят, живет у вас какой-то мальчик, – ответили ему.

– То Ванька. Племяш мой. Ванька Гусев. Приехал недавно ко мне. Всю деревню перебаламутил. Даже в работники к кому-то просился.. бестолковый.

Последовала пауза. Захар ничего не слышал, кроме стука своего сердца. Он схватился за грудь, будто боялся, что этот звук может его выдать. Второй голос что-то невнятно пробормотал. Потом входная дверь, стукнув навесным замком, закрылась. Во дворе скрипнула калитка, и страшная фамилия ушла, на этот раз, он чувствовал, навсегда. Удары сердца становились все глуше. Ваня слышал, как Мирон запирает дверь на замок, ложится на скрипящую кровать. Со всех сторон его стали накрывать теплые спокойные волны, и где-то в углу тихо, по-домашнему, заскреблась мышь.

СТАРИК

Скрипучая телега остановилась. Иван спустился с дороги в поле. Из ближнего колка¹ послышалось ржание сразу нескольких лошадиных голосов. Он подумал, что сейчас из леса выйдет табунщик, возможно, кто-то из его колхозных знакомых, но ржание вдруг смолкло, и из леса никто не появился. Иван пристально всмотрелся в хвойную гущу, но внутри было слишком темно, чтобы что-либо разглядеть.

Близился рассвет, нужно было, не теряя времени, приниматься за работу. О детях, внуках, жене Вере, ворчавшей, чтобы Иван починил сломанный, будто покусанный кем-то, ставень, он уже не думал. Свистящий звук косы погружал его в подобие транса, и Иван шел и шел вперед, подчиняясь ровной полевой мелодии. Худой, невысокий ростом, обтесанный годами, он чувствовал, как поле заряжает его своей силой.

Вдруг тень его косы проткнула внезапно подошедшего человека. Иван поднял глаза и увидел перед собой рослого цыгана, лохматого и широкоплечего, как медведь. Небольшой ножик, сверкнувший в его мускулистых руках, казался более грозным оружием, чем коса, которую, как теперь можно было заметить, Иван удерживал с трудом.

– Бросай! – крикнул цыган звериным голосом.

Коса выскочила из трясущихся рук Ивана. Мужчина повалил его на землю, связал, с легкостью перекинул через плечо, будто мешок с костями, и потащил в колок. Там, на поваленном дереве, спиной к пришедшим, сидела цыганка в темно-синем платье и красном платке, закрывавшем большую часть ее лица. «Наверное, жена», – подумал Иван и в следующую секунду плюхнулся с плеча цыгана на землю. Неподалеку, привязанные к деревьям, стояли лошади. «Краденые», – понял он.

Женщина и мужчина о чем-то спорили на своем языке. Мужчина говорил кратко, с грубой интонацией, женщина же старалась что-то ему втолковать. После долгого обмена репликами, цыган стал отвечать все более отрывисто. Было заметно, что собеседница брала над ним верх.

Наступил вечер. В колке совсем стемнело. Разожгли костер. Цыган, увидев ерзанья Ивана, которого облепили комары, взял сигарету, поджег ее от костра и сунул ему в рот.

– Кури!

Иван испуганно закурил.

Цыган крикнул что-то женщине и отошел к лошадям.

Цыганка подошла и наклонилась к Ивану лицом, окруженное красными всполохами платка. Вместо глаз на лице были две черные рытвины. Она посмотрела на него своими страшными, будто выскобленными кем-то глазницами, и произнесла:

– Тэ дэл о Дэвэл о дром лачо!²

Старик захлебнулся дымом и выронил сигарету. Его прокляли. Да, было похоже на то. Он вжался спиной в дерево, втянул шею, став еще меньше, чем обычно.

Затем цыгане положили старика в телегу и пустили лошадь в открытое поле. Была уже глубокая ночь. Лошадь стала плутать. Она то спотыкалась, то проваливалась в ямки. Ей вдруг казалось, что наконец-то взято верное направление, и она начинала радостно нестись, но потом резко останавливалась и шагала медленно и неуверенно.

Так она забрела в какой-то колок, их было много в той местности. Лошадь вела старика все дальше и дальше в лес. Откуда-то доносились завывания. Два волчьих голоса были особенно слышны: один высокий, второй – заунывный, похожий на женский плач. Вокруг что-то шуршало, скреблось. Вой становился все ближе и ближе. Старик извивался, пытался ослабить веревки, но безуспешно. Вдруг мимо телеги кто-то проскочил. Лошадь заржала, вздыбилась, тряхнула телегу. Старик сильно ударился головой и заплакал от усталости и испуга. Лошадь понеслась через лес, ломая телегу о деревья.

«Пресвятая дева Мария... Царица небесе и земли... помози», – лепетал старик. Все звуки слились для него в один гул, будто бы идущий из-под земли. Тэ дэл... о Дэвэл... о дром... лачо, – раздавалось повсюду.

Каждая наступающая минута казалась ему последней, а когда она заканчивалась, он удивлялся, что за ней есть

еще одна. Страх до того его измучил, что к тому времени, как лошадь перешла на шаг, душа старика уже еле держалась в теле.

Лошадь проблуждала всю ночь и только к утру остановилась у ворот небольшого дома. Со двора доносилось кудахтанье куриц, лай ворчливой сторожевой собаки, в окно стучал обрубок ставня, расшатываемый ветром. Старик услышал рядом чьи-то шаги, открыл глаза и увидел перед собой лицо цыганки с рытвинами вместо глаз, вокруг которого развивался красный платок. Он вскрикнул и почувствовал, что ниточка, до сих пор державшая его душу, обрывается.

– Алешка, Егор, скорее сюда, – завопила Вера.

Два рослых мужчины выбежали, перенесли отца в дом. Но он был уже мертв. Вера сняла с головы красный платок и с плачем завесила зеркало.

¹ Кóлок (мн. ч. кóлки) или окóлок (мн. ч. окóлки) (*нар., разг.*) — небольшой лес в поле или среди пашни.

² Пусть даст Бог добрый путь! (*с цыг.*)